

СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 008+316.7

Ю.П. Шабаев

Русский Север и Поморье в символическом и культурном ландшафте Европейского Севера РФ и в этнополитике¹

В литературе по истории и культуре Европейского Севера России нередко используют термин «Русский Север». Предполагается, что названный регион представляет собой исторически и культурно однородную территорию, населенную этнически однородным населением. Кроме того, исследователи также интерпретируют названный топоним как вполне естественный, имеющий глубокие генетические связи с предыдущими веками и прежними обитателями. Между тем исторические факты показывают, что культурная структура населения никогда не была однородной, а сам названный регион никогда не представлял собой культурной, административно-территориальной или экономической целостности. Название региона и его населения на протяжении веков менялось, а также менялись этнический состав жителей и роль данного мегарегиона в экономической и культурной жизни страны.

Ключевые слова: *Русский Север, Поморье, топоним, идентичность, этничность, коренные народы, поморы, русские.*

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Symbolic Cultural Landscapes: Development and Protection of Local Communities in the Russian North» (ERA. NetRUSPlus), а также при поддержке гранта 15-15-6-47 «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике» (проект Комплексной программы УрО РАН 2016 г.). Продолжение статьи в следующем номере.

Shabayev Y. «Russian North» and Pomorye in the symbolic and cultural landscape of the European North of Russia and ethnic policy

In the literature on culture and history, the European North of Russia is usually referred to as «the Russian North». It is implied that this region represents a kind of historically and culturally homogenous territory inhabited by a population of common ethnicity. Moreover, the researchers also interpret the above-mentioned toponym as quite natural, having deep genetic ties with previous ages and previous inhabitants. Meanwhile, historical facts show, that cultural structure of its population has never been homogeneous and the region itself has never represented either cultural, administrative-territorial, or economic integrity. The names of the region and its population have been changing during ages and so did its role in the economic and cultural life of the country.

Keywords: *Russian North, toponym, identity, ethnicity, native people, Pomors, Russians.*

Введение

«Русский Север» — устойчивое геокультурное понятие, которое нередко используется как название одной из исторических провинций страны, не имеющей и не имевшей четких административных границ. В понимании географических границ Русского Севера нет единого мнения в связи с тем, что само понятие «Север» крайне многозначно [57—59]. Кроме того, при попытках определить границы исследователи нередко находятся в плену понятий, предназначенных для административного и экономического районирования территорий, но очень редко используют концепт исторической провинции [8, с. 117].

Однако значимость данного понятия далеко не ограничивается территориальностью, а имеет прежде всего символический и исторический смысл. Этот смысл определяется восприятием региона в интеллектуальных и научных кругах. Но, используя понятие «Русский Север», исследователи редко задумываются над его возникновением и значением, ибо, как заметила культуролог Н. Соловьева, «географическое название *русский Север*... «превратилось» в макрорегиональный топоним, который воспринимается как «естественный», — за ним стоит мощный культурно-ландшафтный регион *Русский Север*.

Его естественность заключается, вероятно, в том, что *Русский Север* несет в себе функцию географического названия — метки (Русский Север — север России) и топонимическую функцию за счет использования этнического прилагательного «русский» [47, с. 217]. Между тем, поскольку указанное понятие (географическое название?) широко применяется в гуманитарных науках, вполне справедливо задать несколько вопросов. Является ли Русский Север действительно русским? Когда он стал таковым и стал ли вообще? Когда и почему появилось само указанное понятие и чем обусловлено его появление? И, наконец, каковы границы Русского Севера?

Для современной ситуации на Европейском Севере России характерна борьба за символическое пространство региона на всех уровнях, за этническое маркирование территорий, и потому сегодня начинается активная борьба за «русскость» Русского Севера. Однако «русскость» данного региона долгое время была весьма условной. Тем показательнее, в каком контексте ведется современная «борьба» за маркер «Русский Север», за «возвращение» ему русскости и придание данному маркеру геополитического значения.

Для ответа на все указанные вопросы, безусловно, требуется обратиться к анализу исторического прошлого региона, коснуться вопроса о динамике этнического состава населения и определить смысл понятия «Русский Север» и изменения в его понимании.

Колонизация Европейского Севера и его место в политической и культурной географии России

На ранних этапах отечественной истории Европейский Север России, который во многом синонимичен сегодня понятию «Русский Север», к исключительно русским регионам не относился. В скандинавской летописной традиции это была Биармия (Бьярмаланд) — земля биармов [13], по поводу локализации которой нет единого мнения, хотя очевидно, что скандинавские описания весьма условно обозначали границы Бьярмаланда [17]. В русской летописной традиции названные земли довольно определенно характеризовались как территории, находящиеся в даннической зависимости от Великого Новгорода, «*се волости новгородские: ... Вологда, Заволоцье, Колоперем, Тре, Перемь, Югра, Печора*» [9]. Земли «за Волоком», т. е. за

Онегой уже в XI—XIII вв. стали именоваться Заволочьем, а в последующие два столетия этот термин приобрел расширительную трактовку, ибо им определялись и территории Нижнего Подвинья — собственно Двина и Двинская земля, а потом также Прионежье и территории к востоку от Двины вплоть до р. Печоры. Что касается населения Заволочья, то оно именовалось чудью, или чудью заволочской, что, вероятно, свидетельствовало о его преимущественно финском и самодийском населении [14, 24, 26, 44]. Об этом же свидетельствует субстратная топонимика и гидронимика Европейского Севера России [33, 35].

Славянская колонизация Европейского Севера привела к изменению восприятия данной территории и к изменению характера ее культурного маркирования. Эта колонизация начинается уже в XI веке, но в указанную эпоху «этнический состав Русского севера не исчерпывается компонентами славянского происхождения. К моменту твердо зафиксированного расселения русских на Севере [Устав 1137] там жили угро-финские племена. Попытки с помощью топонимии обнаружить более древние этнические пласты не встречают поддержки специалистов» [6, с. 18—19].

Колонизация шла двумя потоками: из Новгорода и из Ростова Великого (верховая и низовая) [7]. Она была масштабной и быстрой, но главное ее следствие состоит в том, что переселения на север славянского населения позволили не только окончательно подчинить регион русскому влиянию, но и культурно интегрировать его. Процессы культурной интеграции протекали довольно интенсивно, о чем свидетельствует появление еще в «новгородскую эпоху» общего наименования территории.

Общий географический термин «Поморье» впервые упоминается в новгородской купчей грамоте 1459 г., а название «поморцы» — в Новгородской четверной летописи в 1526 года [2, с. 34—36]. За несколько столетий произошло превращение северных территорий из Заволочья в новгородское владение Поморье, а затем и во владение Московского государства. Но речь идет не просто о смене названия и изменении характера вассальной зависимости. Кардинально изменился культурный облик территории и этнический состав ее населения. Место чуди, веси, двиняян и других территориальных и этнических определителей прочно заняли поморцы, поморяне, т. е. некое

новое сообщество, имевшее обобщенное название, которое тем не менее подразумевало и этнический подтекст.

Вместе с тем обобщенное название «поморцы», которое упоминается в новгородских документах, было скорее лишь собирательным обозначением населения обширного региона, еще не осознавшего своего культурного единства, своей принадлежности к какой-то социальной общности. Подобного осознания просто не могло произойти в названную эпоху в силу многих причин: экономических, социальных, политических. Важную роль в культурной и политической интеграции играли три момента: религиозная принадлежность и религиозная идентичность (православные или некрещеные язычники) и система вассальной зависимости (подданные русского царя, ясачное население), а также система мировосприятия средневекового человека. У людей эпохи Средневековья существовали свои пространственно-временные представления [11, 32], которые отличались от современных. Эти представления довольно четко прослеживаются на этнографическом материале [23], и главная их особенность состоит в локальности бытия и сознания. Впрочем, локальность самовосприятия сохранялась довольно долго в крестьянских немодернизированных сообществах, и даже после Первой мировой войны во вновь образованных странах Восточной Европы крестьяне в отдаленных поселениях во время переписи определяли свою идентичность не с помощью политонимов, общеэтнических или локальных этнонимов, а с помощью определителя «тутошние», «местные» [1]. Эта локальность проявлялась также и в культурном маркировании территории, и в построении общей культурной картины местных сообществ.

Картина мира средневековых жителей Севера представляла собой некое сочетание физического и символического пространства, в котором место славян было весьма значительным. Несомненно, что славяне, пришедшие на Север, изначально оценивали себя как доминантную культурную группу, а свое окружение воспринимали как культурную периферию. Следствием такого восприятия и стало формирование этноцентричной модели мира, которая «отразилась и на восприятии земель Севера, населенных “инородцами”, как иного, потустороннего мира, в котором, говоря языком русских странников, “все напротив”. Поэтому вся этническая периферия Русского Севера

наделялась характеристиками антимира...» [50, с. 5]. В этой модели мира наименование «поморяне» во многом становилось синонимом славянского и христианского населения региона, и термин использовался в основном для обозначения именно этого этнического компонента. Здесь важно заметить, что культурная дистанция между русским и иноэтничным населением Европейского Севера была довольно устойчивой и проявлялась не только в восприятии представителей этнических меньшинств как «чужих», культурно отличных жителей Севера, но и в устойчивом воспроизводстве этой дистанции.

Разрушению средневекового мировосприятия и средневековой идентичности, в которой локальность и локальные определители играли решающую роль, повсеместно способствовало развитие внутреннего рынка, торговых связей и отношений. Для Европейского Севера в этом смысле важнейшую роль сыграли два исторических события. Первое из них было связано с тем, что английские купцы открыли для себя Северную Московию, в связи с чем при Иване IV был заключен русско-английский торговый договор, а Европейский Север перестал быть отдаленной окраиной владений московского государя и начал восприниматься как северный рубеж русского государства и как «окно» в Московию. А второе событие связано с основанием в 1551 г. в устье северной Двины города Архангельска, изначально превратившегося в важнейший торговый порт государства. Этот город был важен не только для внешних торговых сношений, не меньшую роль он сыграл и в деле формирования регионального рынка и укрепления внутренних торговых связей. Именно сюда, в Архангельск, двиняне, мезенцы, пинежане, жители карельского, терского и других берегов Белого моря везли рыбу, продукты зверобойного промысла. Здесь они обменивали их на другие товары или выручали за них деньги. Здесь же всех этих торговых людей стали называть поморами [11], и здесь возникала общая поморская идентичность, ибо региональный центр играл важнейшую интегрирующую роль. Эта общая поморская идентичность укреплялась еще и тем, что торговые отношения с иностранцами позволяли четче понять культурные отличия местного населения от иноземцев и оппозиция «свой—чужие» формировала более определенное представление о «своих».

В результате из пинежан, мезенцев и т. д. к XVIII столетию сформировалось некое культурное сообщество, а термин «поморы» пре-

вратился в этноним. Прежнее название жителей — «поморцы» — было, вероятно, не столько этническим определителем, сколько региональным. Название же «поморы» обозначало уже собственно русское население Европейского Севера, ибо остальные этнические группы в официальных документах именовались иначе. При этом, конечно, надо иметь в виду, что поморами называла себя только часть населения Европейского Севера и наряду с поморской существовали и другие идентичности, даже не считая те этнические группы, которые исторически были связаны с данной территорией. К примеру, население юга Архангельской губернии называли ваганями, в районе Онежского озера сформировалась специфическая группа русского населения — заонежцы, а на нижней Печоре — устьцилемы. Впрочем, последние исповедовали старообрядчество поморского толка и это сближало их с собственно поморами.

С начала XVIII в. начинается имперский период в развитии России, и для ее правящих кругов задача учета и идентификации своих подданных становится значимой, поскольку важно было подчеркнуть имперское величие не только обширностью территории, но и числом присягнувших на верность короне народов (не принимая во внимание собственно фискальные соображения властей). Этот период совпал по времени не только с формированием поморов как специфической культурной группы русского населения Севера, но и с падением торгового значения Архангельска, переориентацией торговых путей, связывающих Россию с Европой, с северных морей на Балтику. Но к началу названного периода связи региона с Европой были более интенсивны, нежели в какой-либо иной части империи. Эти связи способствовали экономическому процветанию Архангельска и в то же время стимулировали интеллектуальную жизнь в городе, поскольку он был открыт не только для торговых связей, но и для идей, рождаемых европейской общественной мыслью.

А в европейской культуре данного периода задача понимания места человека в пространстве государства выдвигается на первый план интеллектуального поиска. Работы философов просвещения готовят рациональную основу для возникновения последующих политических теорий, и в частности теории нации и национализма. Вероятно, главной идеей эпохи стала идея народного суверенитета [42, 43]. Народный суверенитет и сама идея народности воз-

никли на основе критического взгляда философов на историю, в том числе на европейскую. Внимание к истории отечества в этот период становится крайне актуальным и для интеллектуального поиска в России.

Заимствование европейских идей на Европейском Севере России, конечно, носило опосредованный характер и было связано со спецификой местной культурной среды и особенностями понимания интеллектуальной элитой региона своего общественно-го долга. Европейский Север, как уже сказано выше, к началу XVIII в. не был замкнутой и отдаленной периферией, — через него проходили главные торговые пути России. Поэтому здесь сформировался свой достаточно большой слой образованных людей, которые стремились не только постигать идеи европейцев, но и применить их в деле познания истории и культуры Севера, ибо видели свое предназначение в общественном служении населению Архангельской губернии. Служение они понимали как деятельность, направленную на познание самого местного сообщества и описание специфики региона. Изучение богатств края, его истории и культурных особенностей местного населения здесь начинаются раньше, чем в других губерниях России [25, с. 206—207].

Исследовательская деятельность на Севере вполне логично начиналась с краеведческой работы. Начало местному краеведению было положено В. В. Крестининым, который в 1759 г. в сотрудничестве с Александром Фоминым, Алексеем Свешниковым и Николаем Зыковым основал в Архангельске первое историческое общество в России — «Общество для исторических исследований». Общество было поддержано Академией наук и Вольным экономическим обществом, но не получило поддержки у местных властей, а потому достаточно быстро прекратило свое существование. Заметим, что тогда речь не шла о Русском Севере, а территориальность и этничность имели вторичное значение в научном поиске, целью которого было составление наиболее полной номенклатуры различных провинций империи и описание их природного разнообразия. Имперская идеология на данном этапе ограничивалась обоснованием легитимности экспансионистских устремлений, прав на владение новыми территориями и управление новыми народами, но не на детальном описании их культурного своеобразия.

При этом изучение туземного населения и составление перечня населяющих империю народов как академическая задача постепенно становится все более актуальной, о чем можно судить по «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера и экспедиционным материалам академика Ивана Лепехина [34, 40].

Превращение Европейского Севера в культурное ядро России. Рождение термина «Русский Север»

В первой половине XIX в. и в середине столетия главное внимание исследователями уделяется статистико-географическим описаниям различных частей Российской империи [18; 53], в которых, однако, делаются попытки культурной классификации территорий, описания населяющих их племен.

В отличие от России, все еще не познавшей в полной мере свое культурное многообразие и не осознавшей необходимость политического единства, в Европе в конце XVIII и начале XIX вв. идеи государства и нации «сплывались в форму национального государства» [38, с. 365] и потребность в культурной однородности нации как политического сообщества стала важным двигателем внутренней политики зарождавшихся государств-наций. Под влиянием новых идей династические империи все определеннее ощущали необходимость поиска и обоснования своей культурной основы, формирования внятной государственной идеологии: «Поскольку в середине века все династические монархии использовали *какой-нибудь* бытующий на их территории язык как государственный, а также в силу быстро растущего по всей Европе престижа национальной идеи в евро-средиземноморских монархиях наметилась отчетливая тенденция постепенно склоняться к манящей национальной идентификации. Романовы открыли, что они великороссы, Ганноверы — что они англичане, Гогенцоллерны — что они немцы, а их кузены с несколько большими затруднениями превращались в румын, греков и т. д.» [1, с. 107].

К середине XIX в. власти Российской империи также стали понимать необходимость формирования собственной национальной идеологии и национального мифа, и в эту эпоху начинаются активные споры по поводу места великороссов в системе государства и по поводу самого понимания русскости.

Фактически именно в это время была сформулирована идея государственного народа, которая превратится в важный политический принцип уже при формировании Версальской системы, возникшей после завершения Первой мировой войны [38]. С середины XIX столетия великороссы стали рассматриваться официальными идеологами именно в качестве государствообразующего народа. «В 1864—1865 гг. М. Н. Катковым были сформулированы условия, обеспечивающие наиболее стабильное развитие Российского государства. Российская империя, по его мнению, могла существовать только как государство, в котором обеспечено преобладание титульной национальности. Другие «племена» могли сохранять свой язык, религию, культурные особенности, иными словами, все, что не угрожает целостности государства. При этом должно неуклонно поддерживаться единство законодательства, системы управления, государственного языка. Главной опасностью для России, считал Катков, мог стать сепаратизм отдельных народов, стремящихся стать самостоятельными нациями» [3, с. 5]. Политические идеи неизбежно находили отклик и в умонастроениях интеллектуальной элиты. От описания экзотических инородческих групп, населяющих обширные пространства империи, интерес исследователей все активнее стал смещаться к изучению русского крестьянина и его культурных ценностей. Созданное в указанную эпоху Русское географическое общество определило своей целью изучение *Русской земли* и *Русского народа*, а усилиями путешественников, писателей и историков «ледяные пустыни» и «девственная тайга» наполнялись *русскими* героями и *русскими* воинами» [45, с. 97].

В этой связи все большее внимание стало уделяться анализу России как геополитического пространства и попыткам понимания того, кто есть великороссы, какие регионы страны являются историческим ядром Российского государства.

Само понятие *великороссы* уточнялось и дополнялось на протяжении XVIII и XIX столетий, равно как не оставалось неизменным понимание того, какие губернии и могут считаться историческим ядром государства, каково то культурное пространство, которое именовали Великой Россией.

Одним из первых исследователей, кто предложил перечень губерний, относящихся к территориям заселенным великороссами,

был Н. И. Надеждин. Он определили пространство Великой России как «сердце» Российской империи. Но в состав Великой России Архангельская, Олонецкая и Вологодская губернии включены не были. Не относил к внутренней России и Великодержавии названные губернии и географ К. И. Арсеньев, который также называл перечень областей «внутренней России» «великим кругом» [30, с. 3—5]. Однако во второй половине столетия воззрения на культурное значение Европейского Севера изменились.

В наиболее масштабном научно-популярном издании XIX в. — «Живописная Россия», изданном М. О. Вульфом, в первых же томах были даны этнографические описания северных и западных регионов и лишь затем — центральных. На роль типичного великоросса и наиболее яркого выразителя «русскости» во второй половине названного столетия исследователи нередко предлагали региональные группы населения Русского Севера [12].

С одной стороны, это было связано с тем, что Россия все более и все активнее превращалась в национальную (этнонациональную) империю, где культурное ядро ее населения приобретало государственно-образующее значение. С другой стороны, это объяснялось расширением «поля русскости», ибо прежние окраины начинали восприниматься как сугубо «русские» регионы (Урал, Дон, Сибирь). Но не менее значимым было еще одно основание, которое сыграло важную роль в переосмыслении культурного значения Европейского Севера, а именно расширение научного поиска на Севере.

Открытие значения Русского Севера для науки, прежде всего для истории, археологии, этнографии и фольклористики, связывают с именами А. Ф. Гильфердинга, П. Е. Ефименко, Л. Н. Рыбникова, Е. Н. Барсова, Н. Е. Ончукова, Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша, А. В. Маркова и А. Д. Григорьева, П. Г. Богатырева, О. Э. Озаровской и многих других ученых. Их труды позволили по-иному оценить культурный потенциал Европейского Севера и его этнокультурное значение. Регион предстал не как периферия культурного пространства великороссов, а как некая «культурная кладовая», где сосредоточено их многовековое культурное наследие, где сохранилась некая «исконная», или «первозданная», русскость.

Именно активный научный поиск второй половины XIX в. и его результаты позволили выстроить интеллектуальный культур-

ный проект Русского Севера. С целью объединения усилий многих специалистов и привлечения к делу изучения истории и культуры края широких слоев общественности в 1908 г. было создано Архангельское общество изучения Русского Севера (АОИРС). Создание общества можно считать неким кульминационным моментом в истории изучения обширного культурного региона. В течение нескольких лет общество превратилось в одно из самых авторитетных в России, а издающийся с 1909 г. журнал общества (Известия АОИРС) был признан лучшим периодическим изданием по краеведению в провинциальной России.

Деятельность Общества еще более способствовала восприятию Европейского Севера как исконно «русского региона», как единой историко-культурной провинции, сыгравшей важнейшую роль в формировании русской ментальности, как «культурной кладовой» русского народа. Не случайно в начале XX в. творческие поездки на Север стали совершать многие российские художники, для которых фольклор, отечественная история и культура были стимулом для творчества: К. Коровин, В. Серов, И. Грабарь, А. Архипов, М. Нестеров, В. Верещагин.

Однако концепция «культурной кладовой» русских не могла считаться завершенной до тех пор, пока ей не дали вполне определенное название, публично маркирующее ее как некую коллективную и особо ценную коллективную собственность отдельной этнической общности.

Можно ли считать Русский Север только лишь культурно-исторической провинцией и культурным символом, связано ли само появление термина лишь с интеллектуальным поиском или оно логично вписывается в официальную идеологию, в стратегию построения национальной империи?

Вероятно, достаточно очевидный ответ на эти вопросы можно получить, обратив внимание на то, кем и когда был введен в публичный оборот термин «Русский Север». Термин появился не в трудах историков, этнографов, фольклористов, а впервые был использован лицом официальным, более того лицом политически значимым. В конце XIX в. губернатор Архангельской губернии А. П. Энгельгардт совершает двухлетнее путешествие по вверенной ему губернии. Путешествие носило характер инспекции, но одновременно автор

вел путевые заметки и описывал местные традиции и быт. Путевые записи губернатора вскоре были изданы в Санкт-Петербурге в форме хорошо иллюстрированной книги «Русский Север. Путевые заметки» [61]. «В самом тексте книги А. П. Энгельгардт использует нетопонимическую форму словосочетания — *русский Север* (русский с маленькой буквы), но уже, как видим, в заголовке книги географическое название приобретает форму топонима. Так появляется, вероятно, первое упоминание о *Русском Севере*» [20, с. 31]. Характерно, что Энгельгардт не обозначил границы Русского Севера, и это, видимо, было сделано вполне сознательно, ибо позволяет толковать вопрос о границах весьма расширительно. Заметим также, что губернатор Энгельгардт внес немалый вклад и в дело становления Архангельского общества изучения Русского Севера.

Тот факт, что термин был введен в публичную сферу лицом официальным и находящимся на высокой государственной должности, делают его содержание политически мотивированными. Еще более очевидным его политическое значение станет тогда, когда мы обратим внимание на официальную политику власти Российской империи и на идейную атмосферу, которая диктовала необходимость маркирования северных регионов как исключительно русских или находящихся в сфере русского культурного влияния. Со второй половины XIX в. усиливается проникновение на Север норвежских рыбопромышленников и зверобоев. Это проникновение повлекло за собой не только усиление конкуренции с поморами, но также и то, что Кольский Север, архипелаг Новая Земля стали восприниматься как ничейная земля [52; 37], на которую юрисдикция российского правительства не распространялась. Это заставило российское правительство принять специальную программу освоения Кольского Севера и меры по стимулированию предпринимательской деятельности российских рыбопромышленников. Активность правительства объяснялась тем, что в 1867 г. Россия продала принадлежавшую ей Аляску Соединенным Штатам Америки и эта акция расценивалась как вынужденная мера, поскольку русское население Аляски было невелико, возможности российского влияния в этом районе были ограничены, а противостоять экспансии конкурентов в тот период времени страна была не в состоянии [19]. Повторять свой североамериканский опыт на Европейском Севере правящие круги России не хотели.

Естественно, что для успешного противостояния внешней экономической экспансии необходимо было однозначно маркировать территории Европейского Севера как российские. Таковая потребность усиливалась еще и тем, что помимо норвежцев, существовала и другая опасность, которую российские власти видели в деятельности финских миссионеров, особенно активно действовавших с конца XIX — начала XX вв. в Карелии (включая Карельский берег Белого моря) и занимавшихся пропагандой лютеранства, финской культуры. В противовес этой деятельности царские власти считали необходимым усилить русификацию меньшинств [36], а территории со смешанным населением маркировать как исключительно русские. При этом не следует недооценивать как роль процессов культурной интеграции, так и значение меняющихся культурных ориентаций, которые были в пользу доминирующей этнической общности. Ну и наконец, надо принимать во внимание тот факт, что к началу XX столетия окончательно сформировалась националистическая доктрина, суть которой последовательно пропагандировала газета «Русское знамя», а ее содержание определялось следующим образом: «Русский народ как нация выражается в трех символах: вере православной, царе самодержавном, и народе русском» [41, с. 153].

Все это в совокупности позволило в начале XX в. переqualифицировать Поморье в Русский Север, а поморов — в великороссов, или «русских поморов», что подтверждается как результатами первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. [39, с. 47—236], так и тем, что с начала XX в. термины «поморы» и «Поморье» выходят из употребления [4]. Очевидно, что данная переqualификация была культурно и политически мотивирована, и культурный проект «Русский Север» поэтому можно отчасти считать и политическим проектом.

Однако в дальнейшем политическая значимость маркирования Европейского Севера как собственно русского региона утрачивается, и последующими поколениями Русский Север стал восприниматься сугубо как культурный символ. В этом отношении наиболее показательным замечанием, которое было сделано такой авторитетной для россиян фигурой, как академик Д. С. Лихачев: «Самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, — это то, что он самый русский. Он не только душевно русский —

он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру...» [31, с. 7]. Современные исследователи пишут не только о «заслуге Русского Севера в развитии культуры и образования» [6, с. 258], но также и о «метафизике Севера», о его «сакральной географии», которая якобы и выделяет его в особую культурную реальность и позволяет говорить о нем как о едином культурном пространстве [50].

Но важно, что именно в советские годы термин «Русский Север» потерял не только свое политическое значение, но и значение культурного ядра страны, чему немало способствовала советская идеология, для которой «национальный вопрос» и культурные символы вообще были вторичными, а решающее значение имели классовые приоритеты, и прежде всего идея диктатуры пролетариата.

Советская эпоха и советская система культурного маркирования

Смена эпох, как правило, влечет за собой и смену культурных символов. На Севере это проявилось очевидно и достаточно быстро. Большевиками после победы была принята на вооружение доктрина этнического национализма, суть которой базировалась на двух ключевых положениях: 1) каждая этническая группа должна обладать собственным национально-государственным образованием, 2) в рамках собственного государственного образования данная группа получала статус «коренной», а все остальное население относилось к «некоренным» жителям. Коренная этническая группа могла претендовать на политическое доминирование и иные преференции [51]. Вся территория страны была поделена на этнические анклав: автономные республики, области, национальные округа и даже национальные сельсоветы. Идея состояла в том, чтобы обеспечить новому режиму политическую поддержку со стороны многочисленных этнических меньшинств. Поэтому идеологи большевизма говорили о необходимости особого внимания к интересам этих культурных групп [27], подчеркивали необходимость борьбы с великодержавным русским шовинизмом [28] и вместо республиканских идеалов гражданского равенства, которые декларировались лидерами

Великой Французской революции [56], стали выстраивать особую систему политической и культурной иерархии, фактически следуя логике идеологов имперской России. Главной политической опорой режима и наиболее лояльной социальной группой был определен пролетариат (промышленные рабочие), а остальные социальные группы объявлялись недостаточно зрелыми для социалистического преобразования общества. Но этнические меньшинства рассматривались как естественный союзник пролетариата, поскольку многие из них не имели развитой классовой структуры. Кроме того, как и пролетарии, представители меньшинств могли рассматриваться как эксплуатируемая часть общества, а в качестве эксплуататора выступало само государство, в лице его чиновников и представителей государствообразующего народа.

В культурной политике произошло совмещение политических и этнических принципов организации общества, а потому термин «национальность» (nationality), который в других странах означает лишь «гражданство», стал в СССР синонимом этнической принадлежности. Подмена идеи гражданства и гражданского равенства идеей этничности и превращение этнической принадлежности в синоним национальности позволили исключить из политического дискурса идеи прав гражданина и человека. Политизация культурных различий превратилась в важное направление внутренней политики, и не случайно в 1932 году в СССР был введен внутренний гражданский паспорт, где графа «национальность /этническая принадлежность» стала обязательной (в отличие от других стран), а фиксация этнической («национальной») принадлежности гражданина стала осуществляться согласно специальной инструкции, суть которой сводилась к принудительному и пожизненному навязыванию этничности (национальной принадлежности). Тем самым каждый член общества был тесно привязан к определенной этнической группе, чего прежде не было.

Превратив этничность в важный политический маркер, большевики использовали ресурс политически мобилизованной этничности меньшинств для нейтрализации политического ресурса великороссов. Более того, русские, согласно официальной точке зрения, были главными эксплуататорами на Севере [45], а борьба с эксплуататорами и ликвидация всяческих форм эксплуатации была объявлена

основной целью новой власти. Вполне закономерно, что сам термин «великоросс», рассматриваемый как намек на господствующее положение данной группы, был исключен из культурной лексики, а в политическую практику была внедрена культурная иерархия народов, в которой русские не занимали ведущих позиций, поскольку они не рассматривались как один из «коренных» народов страны, хотя, конечно, можно рассматривать подобную ситуацию и в том смысле, что русский народ был символически маркирован как особое этническое сообщество. На Севере был создан ряд национально-государственных образований (Карельская трудовая коммуна в 1920 г., Коми автономная область в 1921 г., Ненецкий национальный округ в 1929 г.), где начались процессы так называемой коренизации, которая нередко принимала форму вытеснения представителей «некоренных народов» со статусных позиций и разделения местных сообществ на этнические сегменты.

В Карелии, например, «в северных районах республики среди карел под влиянием финнизации появилась мода менять на финские свои старинные «русские» фамилии (Петров, Родионов и т. п.). Финнизация приводила к разделению населения по этническому признаку буквально во всех сферах повседневности и общественно-политической деятельности. «Финноязычные» карелы проводили отдельные от русских комсомольские собрания, а в школах карельские дети не хотели сидеть за одной партой с русскими сверстниками. Из 22 газет 10 были на финском языке, из 8 журналов — 5 финноязычные. До 1935 года в Реболах и Ругозере не было русскоязычных книг, ни один из руководящих работников не говорил по-русски. В школах Ребол, Кестеньги и Ухты русский язык вообще не преподавался» [49, с. 126].

Выделение территориальных единиц, в которых одна из этнических групп получала политические и культурные преференции, было не всегда возможно на Севере, поэтому систему административных автономий дополнили специальным списком «народов Севера». Впервые это определение было введено в 1920-х годах, т. е. тогда, когда в бывшем СССР осуществлялся активный процесс так называемого национально-государственного строительства и встал вопрос о «необходимости» социальных и экономических преобразований в жизни народов северных окраин страны, социалистического переустройства

их хозяйства, быта и культуры. Для развития промыслового хозяйства северных народов в составе Народного комиссариата по делам национальностей был создан в 1922 году Приполярный подотдел по охране и управлению северными племенами России.

К числу «народов Севера» были отнесены чукчи, чуванцы, азиатские эскимосы, коряки, ительмены, алеуты, юкагиры, эвены, эвенки, долганы, нанайцы, нганасаны, ненцы, энцы, селькупы, кеты, ханты, манси, саамы, нивхи, ульчи, удегейцы, негидальцы, ороки, орочи, тофалары [46], т. е. в группу этих народов были включены этнические сообщества, относящиеся к разным культурно-хозяйственным типам и говорящие на языках уральской, тунгусо-маньчжурской, чукотско-камчатской, алтайской и эскимосо-алеутской языковой семьи. Основанием для выделения этих народов в особую группу явилась идея о необходимости оказания данным народам адресной помощи для развития их хозяйства и культуры, а также такие критерии, как малочисленность, общая направленность хозяйства (оленоводство, охота, рыболовство и морской зверобойный промысел), особенности быта, социально-экономическая и культурная отсталость. В советские времена списочный состав народов Севера включал 26 народов, но в названный список сознательно не были включены русские, в том числе культурные группы русского старожильческого населения, в хозяйстве которых промысловая деятельность играла важную роль, и в особенности это касалось поморов. На Европейском Севере к таковым группам относились поморы и устьцилёмы. Если же говорить в целом о коренном населении Севера, то оно, как полагает М. Жуков, «может быть разделено на три большие группы:

- коренные малочисленные народы Севера;
- коренные народы Севера, не являющиеся малочисленными;
- русскоязычное и татароязычное старожильческое население, представляющее собой специфические этнографические группы внутри русского и татарского народов» [16, с. 56—57].

Однако большевики не принимали во внимание интересы крупнейшей культурной группы населения Севера. Уже в 1920 г. было ликвидировано Архангельское общество изучения Русского Севера, а сам термин «Русский Север» в 1920—1930-х гг. перестал употребляться. Когда в 1929 г. был создан Северный край (просуществовал до 1936 г.), его создание диктовалось не исторической традицией

или этническим составом населения, а сугубо соображениями экономического порядка. Реабилитация термина «Русский Север» произошла уже после Второй мировой войны, во время которой политические лидеры вынуждены были обратиться к историческим и культурным символам страны, подчеркивать значимость русского этнического компонента в составе страны (тогда власти заговорили о «великом русском народе»), более лояльно относиться к религии. Но в послевоенные годы термин «Русский Север» стал *использоваться только в фольклорно-этнографическом контексте*, т. е. для описания общих явлений в быту, фольклоре, календарной и семейной обрядности северных русских. Русскость и русские не заняли в официальной идеологии центральное место, ибо эта идеология вообще эволюционировала в сторону «социалистического унитаризма», о значимости которого заявлял И. Сталин [48, с. 78] уже в первые годы советской власти. Основатель советского государства Ленин также подчеркивал, что «национальный вопрос является вопросом подчиненным» для советской власти [28], а потому логика эволюции официальной идеологии не могла строиться на дальнейшем усилении этнического национализма. Власти понимали, что нужна некая форма культурной и политической интеграции, но эта интеграция не мыслилась ими как этническая ассимиляция, а предполагала формирование нового надэтнического сообщества — советского народа — и соответственно новой индивидуальной идентичности — советского человека [22]. Фактически подобная форма интеграции мало отличалась от американского концепта «плавильного котла» [54]. Поэтому как культурный символ была принята идея «дружбы народов», а само советское общество в культурном смысле рассматривалось как некая расширенная семья, в которой все народы — братья, а русский — старший брат (что впоследствии и стало трактоваться как стремление к «русификации» меньшинств).

Рассматривать данную символическую модель как русификацию, в частности как русификацию северных финноугров [60], — это явное упрощение. Таким же упрощением является и утверждение об отсутствии в СССР на этапе «развитого социализма» национальной политики/этнополитики вообще, о чем заговорили многие местные исследователи в «национальных республиках» после краха советской системы. Нам представляется, что в этом отношении наи-

более точна оценка этой политики американским лингвистом Роном Виксманом, который полагает, что советская национальная политика в целом была вполне рациональна, логична и постоянна во времени по отношению ко всем этническим группам, поскольку она прежде всего подчинялась целям и интересам режима и была тесно связана с идеологией и общей политической стратегией [54].

Тем не менее очевидно, что места государственному народу (этносу), на роль которого могли претендовать только русские, в советских идеологических конструкциях не было, если исключить некие декларации и идею «старшего брата», которая не была подкреплена системой этнических преференций, каким-либо общественно значимым культурным стандартом типа американского WASP (белые американцы англо-саксонского происхождения, исповедующие протестантизм) и самой советской этнической номенклатурой («коренные народы», «национальные меньшинства», «народы Севера»).

Советская этническая номенклатура наложила свой отпечаток и на понимание границ Русского Севера. Если первоначально границы культурной провинции либо не указывались, либо толковались расширительно, т. е. от Кольского полуострова и Карелии до Урала, то поздние советские исследователи четко указывали, что Русский Север — это территория, расположенная между землями, заселенными карелами на западе и коми — на востоке [6]. Между тем и в Карелии, и в Коми есть территории, которые исторически были заселены исключительно русскими, и русское население обеих республик сформировалось много столетий назад [21; 15]. Иными словами, в советскую эпоху произошло существенное ограничение не только территориальных границ провинции, но и сужение смысла термина. Он так же очевидно утратил всякое политическое значение. И утрата этого смысла своеобразно проявилась в постсоветскую эпоху.

* * *

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

2. Ануфриев В. В. Русские поморы. Культурно-историческая идентичность. М.: Российский институт культурологии, 2008.

3. Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004.

4. Бернштам Т. А. Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука, 1978.

5. Булатов В. Русский Север. Книга третья. Поморье. Архангельск: Изд-во Поморского гос. университета, 1999.

6. Витов М. В. Этнография Русского Севера. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997.

7. Власова И. В. Этническая история и формирование населения Русского Севера // Этнопанорама. 2005. № 1—2.

8. Габрусевич С. А. Проблема терминологического определения Русского Севера в контексте изучения гражданской войны в регионе // Российские и славянские исследования: науч. сб. Минск: БГУ, 2011. Вып. VI.

9. Грамота договорная Новгорода с Великим князем Ярославом Ярославовичем Тверским. 1264 г. / Сборник грамот и договоров Великого Новгорода 1264—1561 (в копиях). РГБ. ф. 303. 1. URL: <http://stsl.ru/manuscripts/>

10. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972.

11. Давыдов А. Н. К этнографии низовьев Северной Двины и города Архангельска в свете историко-культурного районирования Русского Севера // Природа и хозяйство Севера. Мурманск: Мурманский пед. институт, 1983. Вып. 11.

12. Деготь Е. Пространственные коды «русскости» в искусстве XIX века // Отечественные записки. 2002. №6. С. 176—186.

13. Джаксон Т. Н. Русский Север в древнескандинавских сагах // Культура Русского Севера. Л.: Наука, 1988. С. 58—66.

14. Ефименко П. С. Чудь заволоцкая. Архангельск: Изд-во Арх. губернского стат. ком., 1869.

15. Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами X — начало XX в. М.: Наука, 1982.

16. Жуков М. Коренное население Российского Севера. Портрет, проблемы, решения // Этнополис. 2009. №1.

17. Захарова Н. Н. Архангельский север в древнескандинавской литературе // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структу-

ра, семантика: сб. науч. статей. Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск: Поморский университет, 2011. Вып. 5. С. 421—428.

18. Исторические понятия и политические идеи в России XVI—XIX вв. СПб.: Алетей, 2006.

19. История русской Америки (1732—1867) / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М., 1997. Т. 3.

20. Калуцков В. Н. Русский Север как культурно-географический регион // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика. Архангельск, 2009.

21. Карелы Карельской АССР. Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, 1983.

22. Ким М. П. Советский народ — новая историческая общность. М.: Политиздат, 1972.

23. Конаков Н. Д. Традиционное мировоззрение коми. Окружающий мир. Пространство и время. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 1996.

24. Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб.: Наука, 1991.

25. Куратов А. А. Крестинин Василий Васильевич // Поморская энциклопедия. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2001. Т. I.

26. Лашук Л. П. Чудь историческая и чудь легендарная // Вопросы истории. 1969. № 10.

27. Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об автономизации // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1986. Т. 45.

28. Ленин В. И. Рабочий класс и национальный вопрос // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1986. Т. 23.

29. Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства: в 4 т. Репринтное издание 1771—1805 гг. СПб.: Альфарет, 2001.

30. Лескинен М. В. Великороссы/великорусы в российской научной публицистике (1840—1890) // Славяноведение. 2010. № 6.

31. Лихачев Д. С. Предисловие // Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Архангельск: Поморский университет, 1983.

32. Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Язык русской культуры, 1999.

33. Матвеев А. К. Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // Вопросы языкознания. 1976. № 3. С. 59—61.

34. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937; 1941. Т. 1, 2.
35. Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997.
36. Мусаев В. И. «Финнизаторы» и «обрусители». Документы по истории борьбы за влияние в Карелии (конец XIX—XX вв.) // Нестор: Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2007. № 10. Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. Источники, исследования, историография, 2007. С. 47—71.
37. Нильсен Й. Новая земля — ничейная земля // Народы и культуры Баренцева региона. Тромсе: Университет Тромсе, 1996. С. 43—52.
38. Ноженко М. Национальные государства в Европе. СПб.: Норма, 2007.
39. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 1. Архангельская губерния. Тетрадь 2 / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Изд-е центр. статист. комитета Мин. внутр. дел, 1899.
40. Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М.: МОНФ, 2001.
41. Размолодин М. Л. О разности фундаментальных основ черносотенной и националистической доктрин в России начала XX века // Клио. 2011. № 2 (53).
42. Рассел Б. История западной философии: в 2 т. Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 1994.
43. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998.
44. Рябинин Е. А. К этнической истории Русского Севера (чудь заволочская и славяне) // Русский Север: к проблеме локальных групп. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 1995. С. 12—27.
45. Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
46. Соколова З. П., Степанов В. В. Коренные малочисленные народы Севера. Динамика численности по данным переписей населения // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 48.
47. Соловьева А. Н. «Русский Север»: смысловые горизонты этничности в культурном пространстве // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сб. науч. статей. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 5. Архангельск: Поморский университет, 2011.

48. Сталин И. В. Организация Российской Федеративной Республики // Сочинения. Т. 4. Ноябрь 1917—1920. М.: Гос. изд-во политич. литературы, 1947.
49. Сурво А. А. Уральский миф // Семиозис и культура. Философия и феноменология текста. Вып. 5. Сыктывкар: КГПИ, 2009.
50. Теребихин Н. М. Метафизика Севера. Архангельск: Поморский университет, 2004.
51. Тишков В. А. Стратегия и механизмы национальной политики // Национальная политика в Российской Федерации. М.: Наука, 1993. С. 43—59.
52. Федоров П. В. Северный вектор в российской политике. Центр и Кольское Заполярье в XVI—XX вв. Мурманск: Мурманский педагогический университет, 2009.
53. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002.
54. Чертина З. С. Плавильный котел? Парадигма этнического развития США. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2000.
55. Энгельгардт А. П. Русский Север: Путевые записки. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1897.
56. Braudel F. *Identité de la France*. Paris: Flammarion. Vol. 1. 1986.
57. Davidson Peter *The idea of North*. Londjn: Reaction Books Ltd. , 2005.
58. Ingold T. *The perception of the environment essays in livelihood, dwelling and skill*. London, New York: Routledge, 2000.
59. Stammler-Gossmann Anna *Reshaping the North of Russia: toward a conception of space/Position paper for the 5th NRF open Assembly, September 24—27th 2008*. URL: www.nrf.is/Open Meetings...Papers / Stammler Grossmann.
60. Taagapera, Rein *The Finno-Ugric Republics and the Russian State*. New York: Routledge, 1999.
61. Wixman R. *Applied Soviet National Policy: A Suggested Rationale, Turco-Tatar Past Soviet Present/Ed. By Ch. Lemerrier-Quelquejay, G. Veinstein and S. E. Wimbush*. Paris: Ecole des Hautes Etudes eu Sciences Sociales, 1986. PP. 449—468.